

Светлане Бойм (Свете Гольдберг)

Так элегически, забыв дела семейные...
Так поэтически воспев наш тихий быт,
Ты мне напомнила, что мишками на Севере
В далеком детстве мы хотели быть...
И плыть на льдине... иль в Крыму заманчивом
Купаться в море и с русалками грустить
О кораблях, далеких и обманчивых,
Как жизнь сама, как горизонта нить!..

Александра Смит (Саша Нефедова)¹

23.05.04

¹ Александра Смит (Нефедова) — преподаватель Эдинбургского университета (Великобритания), специалист по русской литературе, культурологии и сравнительному литературоведению. Александра подружилась со Светланой Бойм (Гольдберг), когда обеим было примерно 12–13 лет. Они вместе занимались в клубе «Дерзание» при Дворце пионеров в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург). Светлана сначала увлеклась поэзией, потом перешла в секцию прозы, а потом обе девочки занимались в секции критики. После окончания школы их дружба продолжалась до самого отъезда Светланы в США. После многолетнего перерыва они снова встретились в США на конференции в конце 1990-х годов и продолжили свой творческий диалог, часто встречаясь и в США, и в Великобритании, а также постоянно переписываясь друг с другом.

Светлана Бойм, 2012 год

Муза и Юрий Гольдберг

От составителей

Светлана Бойм, профессор кафедр славянских языков и литератур и сравнительного литературоведения Гарвардского университета, — наша дочь. Она рано ушла из жизни, слишком рано, в 56 лет. Она оставила после себя семь научных монографий и около 60 статей, два романа и сборник рассказов, пьесу о Фанни Каплан, два документальных короткометражных фильма и несколько десятков медиаарт-работ, выставки которых проводились во многих штатах нашей страны и городах мира. Она писала на английском, ее работы переведены на семь языков мира.

Когда ей было одиннадцать лет, она нам сказала, что хотела бы быть преподавателем в университете; мы посмеялись, но много позже нашли в ее школьных дневниках девятого класса запись, что это ее мечта — стать профессором хорошего университета, что она понимает, каких трудов это будет стоить, и она готова это сделать.

Светлана родилась в Советском Союзе в еврейской семье, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В 1981 году, после третьего курса педагогического института, она эмигрировала в Соединенные Штаты, где самостоятельно, без всякой помощи, добилась своей мечты. Мы просидели в «отказе», а когда приехали в Америку, она уже защищала докторскую.

Рассказы, включенные в сборник, переведены на русский язык лучшей подругой Светланы со школьных лет Натальей Стругач и ее сыном Александром Стругачом. Кстати, Александр прекрасно перевел на русский язык две научные книги Светланы «Будущее ностальгии» и «Другая свобода», которые были изданы в Москве в 2019 и 2021 годах.

Все эти рассказы были напечатаны в русскоязычных журналах Европы.

Рассказы полностью автобиографичны и расположены не в хронологическом порядке их написания, а в хронологическом порядке действия, которое в них описывается: детство, школа, эмиграция и т. д.

В одном из своих опубликованных интервью Светлана сказала: «Наши тексты — это наше бессмертие». Мы хотели бы, чтобы этот сборник внес свой вклад в бессмертие Светланы Бойм. Она заслужила это.

Ольга Симонова-Партан

Предисловие

Данный сборник предоставляет русскоязычному читателю возможность ознакомиться с литературным творчеством Светланы Бойм (1959–2015), безвременно ушедшего профессора славянского и сравнительного литературоведения Гарвардского университета (США). Рассказы и эссе, включенные в сборник родителями Светланы Бойм, Музой и Юрием Гольдберг, были написаны по-английски и переведены на русский язык Натальей и Александром Стругач.

Перед читателем открывается биографическая канва жизни, странствий, научных и творческих открытий удивительной и многогранной личности. В художественных произведениях Светланы Бойм часто слышится голос культуролога и философа, в то время как в ее научный дискурс неизменно вторгаются артистичность и остроумие художника-творца. Светлана пишет: «Вопросы человеческого страдания, перемещения, мирового чуда, человеческого общения не представлялись мне сугубо академическими. Моя исследовательская работа помогла мне осмыслить собственный иммигрантский опыт и разделить его с другими. Во всяком случае, связь между жизнью и исследованиями казалась слишком постоянной». Бойм были свойственны креативность, страсть к новым интеллектуальным открытиям и желание постоянного переосмысления самой себя. В спектр ее писательской деятельности входили научные культурологические и литературоведческие работы, эссе, автобиографическая проза, киносценарии, пьесы и художественные произведения, такие как

роман «Ninotchka» (2003), отрывок из которого включен в этот сборник.

Благодаря усилиям и энергии родителей Бойм, ее коллег и друзей несколько произведений уже доступны русскоязычному читателю. Среди них стоит особенно отметить три книги: «Общие места. Мифология повседневной жизни» (2022), вышедшую в издательстве «Новое литературное обозрение» (НЛО) в авторском переводе Бойм, а также «Будущее ностальгии» и «Другая свобода. Альтернативная история одной идеи», изданные в НЛО в 2019 и 2021 годах.

Начиная с самых ранних публикаций Светлана Бойм демонстрировала завидное владение культурологическими теориями и терминами, искусно переплетая их с некоей перформативностью стиля. Ей всегда удавалось превращать научные исследования в увлекательное повествование. Яркая и самобытная авторская индивидуальность манит читателя за собой, а ее наблюдательность, юмор и воображение постоянно переплетены с критической оценкой происходящего. Эмоциональные личные воспоминания о советском детстве и юности незамедлительно подвергаются оценке зрелого западного ученого.

Первая книга С. Бойм «Death in Quotation Marks. Cultural Myths of the Modern Poet» (1991) [«Смерть в кавычках. Культурные мифы о поэте модернизма»] посвящена произведениям таких поэтов-модернистов, как Артюре Рембо, Стефан Маларме, Осип Мандельштам, Владимир Маяковский и Марина Цветаева, что отражает интерес автора к теме литературных фактов и художественных вымыслов, а также к жизни и смерти автора.

Во второй книге — «Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia» (1994) [«Общие места. Мифология повседневности в России»] анализируются культурные клише советской жизни и повседневный китч. Критическое и биографическое «я» оживляет и обогащает научные тексты, а личные воспоминания Светланы о ее жизни в ленинградской коммунальной квартире с кухней, переполненной соседями, и вечно занятым туалетом способствует воссозданию мифологии ушедшей советской жизни.

Третья, монография «The Future of Nostalgia» (2001) [«Будущее ностальгии»], приобрела популярность за пределами академической среды и была переведена на несколько иностранных языков. В ней Светлана Бойм рассматривает такие темы, как ностальгия, изгнание, свойства памяти, и картографирует географию и историографию тоски по ушедшему.

В своей четвертой книге под названием «Another Freedom: The Alternative History of an Idea» (2012) [«Другая свобода. Альтернативная история одной идеи»] С. Бойм наделяет новым значением саму концепцию свободы, концентрируясь на понятиях личной и общественной свободы. Как и в других работах, она подвергает сомнению авторитетные общепринятые мнения и оценки, а ее остроумие облегчает читателю процесс усвоения сложных теоретических и философских концепций.

К сожалению, последний проект, под названием «The Off-Modern», так и остался незавершенным и был опубликован уже после смерти Светланы, в 2017 году.

В последние годы Светлана Бойм разрабатывала теоретическую концепцию Off-Modern, создавая новые термины и методологию для изучения различных политических, культурных, литературных и визуальных явлений современности.

Издание работ Светланы Бойм в качестве теоретика-культуролога и медиахудожника представляет собой коллекцию остроумных критических зарисовок и богато иллюстрировано фотографиями ее работ.

Мы надеемся, что читатель, уже знакомый с научными трудами Светланы Бойм, откроет для себя новые грани ее таланта, а тот, кто впервые соприкоснется с ее творческим наследием, заинтересуется ее научными трудами, уже переведенными на русский язык.

Светлана Бойм и Наталия Стругач, 2007 год

Наталья Стругач

О Светлане Бойм

(вступление переводчика)

Есть люди, одаренные особым талантом вдохновлять нас на творчество, на созидание. Встретить человека из этой высокой касты — большая удача, стать его другом — счастье. Светлана Бойм — профессор Гарварда, культуролог, славист, писатель, фотохудожник — была из разряда Вдохновляющих. Она подруга моего детства и юности. После общения с ней у меня возникало такое чувство, словно меня подпитали живительной энергией, легче думалось и дышалось.

Я всю свою жизнь прожила в Петербурге, в Петроградском районе, очень близко от той школы, где мы со Светой учились.

Как можно всю жизнь прожить в одном районе? Ходить по одним и тем же дорогам. Каждый год наблюдать, как появляются листья на старых деревьях, как расцветает знакомый с детства куст сирени. Все окружавшие тебя разъехались, разбежались, растворились в пространстве, а ты все ходишь по тем же каменным плитам, мимо тех же зданий и сквериков. Вот здесь ты случайно встретила с Тем, на той скамеечке легко и навсегда рассталась с Этим. Вот по этой дороге ты всегда ходила в школу, потом водила по ней детей. И оставаясь постоянным хранителем места, волоча за собой шлейф времени, ты постепенно начинаешь понимать, что ушедшие и покинувшие тебя, те, с кем ты рассталась, казалось бы, навсегда, идут рядом с тобой, полупрозрачные в утреннем тумане, сидят на старых скамейках. Пока ты здесь, они с тобой.

Вот сад на Каменноостровском проспекте, сейчас это сад Низами, а в моем детстве — Рентгеновский садик. Здесь на скамейке под кустом сирени ждет меня моя любимая подруга Светлана. Ее уже нет среди живых, но и среди мертвых мне представить ее трудно. Похоже, до конца моих дней она останется со мной. Моя школьная подруга.

Сентябрь, пятый класс, на урок английского приходит новенькая девочка: очень худая, ручки-ножки — спички, темноволосая и черноглазая, рот большой, как у щелкунчика, а зубы белые. Мой антипод: я светлокожая, голубоглазая толстушка. Зовут меня Наташа Кычанова, друзья называют меня Кыча. Так называла меня Света, под этим именем я появляюсь в ее рассказах.

Итак, в классе появилась новенькая девочка. Первый урок английского языка. Ведет его моя любимая учительница, красавица Яна Ефимовна. Чем-то она Свете не понравилась. В конце урока кривит новенькая свой рот, сверкает черными глазами и говорит: «Я в этой группе не останусь, я к другой учительнице пойду, она лучшая, я узнала». Ничего себе заявление! Она выяснила, какой учитель лучше, это в одиннадцать-то лет. В общем, стала она ходить на английский к другому учителю, но по остальным предметам мы с ней в одном классе учились. Подружились уже после Нового года: шли вместе домой, остановились на перекрестке, у почты: ей направо, а мне налево, стали разговаривать и простояли целый час на морозе.

Так получилось, что мы в это время полностью замкнулись друг на друге: читали одни и те же книги, особенно любили Александра Дюма, даже играли в роман «Три мушкетера». У Светки была роль Миледи, я исполняла все остальные. Миледи была главная, я это главенство охотно признала. После уроков мы прятались в школьном туалете. Миледи гордо отворачивалась к окну, а я, изображая Атоса, указывала на три белых унитаза и говорила: «Вам здесь не нравится? Этот замок мой!» Потом туалет превращался в монастырь, где скрывалась госпожа Бонасье. Миледи подносила мне отравленное вино, я падала замертво на кафельный пол. На голове у меня был черный свитер, изображавший покрывало монашки. Играли мы, не замечая ничего

вокруг. Не замечая и того, что бывшие мои подружки обиделись, что я совсем перестала с ними общаться. Из мести одна из них даже испортила мех на воротнике моего зимнего пальто. По этому поводу было расширенное классное собрание, где нас со Светкой обвинили в отрыве от коллектива. Не помню, чем это все закончилось, но для меня было большим открытием то, что не всем нравятся наши невинные забавы. До этого момента я пребывала в уверенности, что все в классе относятся ко мне хорошо.

Мы продолжили свои вдохновенные игры, а весной сами стали сочинять романы в стиле «плаща и шпаги». Писали их в школьных тетрадках. Сначала Светка, потом я. У Светки в ящиках письменного стола и портфеле царил полнейший беспорядок. Ее тетрадка с романом очень быстро стала рваной. Она этим гордилась: «Это словно мою книгу прочитали многие». Моя же тетрадка была отвратительно новая, поэтому я измывала ее сама, еще и супом залила. Мы давали друг другу читать свои произведения. Потом стали давать другим девочкам из нашего класса. С этого момента обиды на нас и ревность закончились. Творчество помирило нас.

Светка умела представлять самые простые вещи загадочными. До того как я первый раз побывала у нее дома, она мне рассказала про волшебную красную лампу на туалете, рыбацкую сеть на окне ее квартиры и тайный проход в ее доме. Лампа оказалась самой обычной, сеть — занавеской, правда, довольно оригинальной, а тайный ход — проходной парадной, которых полно в нашем Петроградском районе. После школы мы часто шли к ней играть. Родители ее приходили домой поздно. Светке оставляли бульон и отварную курицу, которыми она со мной делилась. Ела она медленно и как бы нехотя. Больше болтала, чем ела.

Весной мы играли в Рентгеновском садике на Кировском, ныне снова Каменноостровском проспекте. Садик соседствовал с институтом Рентгена и кафедрой радиологии. Позднее я узнала, что в 50-е годы лаборанты выливали радиоактивные отходы прямо в землю, возле садика. Потом пришлось снимать пятьдесят сантиметров грунта, чтобы в садике могли гулять люди. Может,

какие-то очаги и остались. Не из детства ли наша ранняя онкология?

Светка очень любила розыгрыши и мистификации. Для этого был создан тайный союз «Черных мимоз», куда входили только мы двое. У нас был герб: круглая голова, сейчас так рисуют эмодзи-смайлики, и две скрещенные ветки мимозы. Был устав, мы вели хроники тайных наших действий. А действия были в духе Миледи: подбрасывали записки подругам, создавали ложные записные книжки, кого-то выслеживали... Вреда наша деятельность никому не приносила. Это была интересная игра, которая занимала практически все свободное время. Хроники велись в ироническом стиле, картинки рисовали сами. Мы писали по очереди в одной толстой тетради. Когда Светка уехала в Америку, все эти документы остались у меня, потому что никакие рукописи вывозить не разрешалось. Когда я серьезно заболела, то отдала все бумаги Светке, она хотела написать о нашем детстве рассказ, кое-что уже начала, но не успела закончить. Фальшивые записные книжки нужны были для создания имиджа популярных девочек. В этих книжках были телефоны выдуманных мальчиков. У нас в классе был немного странный парень: он крал портфели понравившихся ему девочек, просматривал их содержимое и прятал так, что девочка искала его часа два после уроков. На этого Марка и была рассчитана фальшивая записная книжка: выкрадет и поймет, с кем имеет дело! В восьмом классе Марк уехал в Америку. Непонятно зачем перед этим он вступил в комсомол. Поэтому было устроено показательное комсомольское собрание, на котором звучали обличительные речи. Мы со Светкой комсомолками тогда не были, не торопились пополнить ряды борцов за коммунизм, поэтому подслушивали под дверь. Светка очень волновалась, а когда Марк вышел из класса морально уничтоженный, она пожала ему руку. Это был красивый жест. Юные обличители окружили только что униженного ими человека и просили не забывать их в далекой Америке, присылать джинсы и пластинки. Говорят, теперь этот Марк — раввин в США.

Светка очень рано стала взрослеть и к четырнадцати годам превратилась в красивую девушку. Она встречалась с мальчика-

ми. Это были романтические прогулки и поцелуи, не более того. Я оставалась еще ребенком: рассказы о мальчиках казались мне нереальной сказкой. Светка решила подтянуть меня до своего уровня. Она встречалась с неким Михаилом, у которого был родственник, наш одноклассник. Устроили двойное свидание, пошли в Таврический сад, долго гуляли, замерзли, ели пышки и пили кофе с молоком в каком-то кафе. Потом мальчик, с которым Светка меня знакомила, назначил мне свидание у метро «Горьковская». Я сначала согласилась, потом на меня напал жуткий страх: что я буду говорить, вдруг встречу маму, которая гуляла возле метро с моим маленьким братом. Я на свидание не пошла, а послала Светку, она приехала на «Горьковскую» и сказала несчастному мальчику, что свидание не состоится. В дальнейшем, до самого своего отъезда, она пыталась меня с кем-то свести, более или менее успешно. В 1979 году Света вышла замуж за московского архитектора, который собирался уезжать из России в США. Она ушла из института, уехала к мужу в Москву. Мы стали реже видеться...

Остался у меня рассказ, написанный по-русски перед самым ее отъездом в эмиграцию. Он несовершенно, писала его девушка двадцати одного года, а не профессор Гарварда. Думаю, публиковать его она, уже зрелая писательница, не собиралась. И все-таки, после долгих раздумий и согласования с родителями Светы, я решила его напечатать. Во-первых, сейчас, когда Светланы нет с нами, каждый ее текст интересен; во-вторых, в этом рассказе предстает перед нами гнетущая атмосфера советской Москвы, тяжелый дух несвободы и страха. Кроме того, с точки зрения психологии этот рассказ интересен как пример, описывающий внутренний мир молодой девушки, которая собирается уехать навсегда, а тогда именно так и эмигрировали — «навсегда и навсегда». Она отрицает все, что ее окружает, при этом находится в состоянии подавленности, почти депрессии: ощущает себя лишней, отторгнутой толпой, городом, страной, чувствующей на себе недоброжелательные, оценивающие взгляды. Она уже «не здесь и еще не там». И только семья поддерживает ее и дает силы. И нет никакого противоречия между способностью вдохновлять

других и ощущением внутреннего дискомфорта, подавленности и одиночества. Как такое возможно? У талантливых людей это часто бывает.

Когда Света уехала в Америку, наши пути разошлись. В конвертах тех писем, которые получали ее родители, всегда была страничка для меня. «Дорогая Кыча, в некоторых отношениях я стала американкой: ем овощи и пью молоко, улыбаюсь, но зато не бегаю по утрам...» «Подружилась с одной женщиной, она похожа на тебя, с ней можно говорить обо всем». Потом были открытки, написанные торопливо в кафе или в самолете. «У нас были очень интересные встречи с русскими художниками в Америке (Кабаков, Комар и Меламид). Собираю материал о русском мифе Америки. Если есть какие-то идеи, сообщи!» «Нашла в Калифорнии заросли желтых мимоз, вспомнила, как продавали маленькие букеты на станции метро “Горьковская”. Здесь их такое изобилие, что никто не знает, как они называются, просто “желтые цветы”. Такие живые, разнообразные моменты, из которых складывается жизнь». Несколько раз она приезжала в Россию, мы встречались. Через десять-пятнадцать минут неловкости начинали общаться как раньше. Почти как раньше, ведь люди меняются, меняется мир вокруг нас. Несколько раз мы обсуждали проект издания совместных воспоминаний. Написать об одном и том же, нами пережитом, но каждой из нас по-своему, и издать под одной глянцевой обложкой с двумя японками. Изящные японки со старинных гравюр, напечатанных на открытках, которые получал мой отец по почте от своих японских коллег. В открытках были вкладыши из тончайшей рисовой бумаги, на них писали текст. Вкладыш я вынимала, а открытки часто дарила Свете. Она это помнила и ценила.

Позже, уже из Америки, она писала мне только на японских открытках. Я их сохранила. В одной из открыток, с нежными бабочками на развороте, она пишет о нашем проекте. Даже название Светка придумала: «Записки из двух углов». К сожалению, приступила она к этому проекту слишком поздно. «Космос в женском туалете» — это один из последних ее рассказов. Она прислала мне его за месяц до своей кончины. Я прочитала текст, но, к сожалению,

нию, не очень вдумчиво, не успела кое-что у нее уточнить, с чем-то поспорить. Сейчас спросить уже не у кого, да и спорить не хочется. В тексте есть неточности, непроверенные факты — Света писала очень больная, после операции и химиотерапии.

В 90-е годы, когда Светлана приезжала в Россию, мы встречались в нашем любимом Рентгеновском садике, сидели на старой скамейке, гуляли по улицам Петроградской стороны, болтали за столиками в новых, только что открывшихся кафе, ели, как раньше, одно пирожное на двоих. Света, как в детстве, больше говорила, чем ела. Один раз я была у нее в гостях в Америке. Это была уже, конечно, не полноценная дружба, слишком разные были наши жизни, но Светина болезнь нас снова сблизила. Я поняла, что могу ее поддержать, я снова была ей нужна. Мы часто разговаривали в Сети. Лучше Светы у меня друзей не было. Мы вместе с ней проживали детство, подростковые открытия, вместе начали писать тексты. Для нее это стало профессией, для меня — игрой. Светлана любила мистификации, нестандартные решения, поиск новых путей. Так проявлялся ее многогранный талант. В школьные годы она хотела быть писательницей, профессором в хорошем университете... Или певицей в кабаре, или художницей. В молодости она написала пьесу о Фанни Каплан, ее поставили в студенческом театре в Гарварде. Потом — детективный роман «Ниночка», который был издан в 2003 году в Нью-Йорке; после сорока лет она увлеклась художественной фотографией, компьютерной графикой, ей удалось организовать несколько выставок. Во всех ее научных трудах, написанных на стыке философии, психологии и литературоведения, присутствуют художественно оформленные эпизоды из личной жизни, похожие на дневниковые записи.

Почему я решила перевести несколько страниц из романа? Потому, что описанные в этих главах события имеют вполне реальную основу. Мне знакомы и герои, и обстоятельства... Эта небольшая часть книги как маленький рассказ, в нем — живая Светлана, ее мысли и чувства. Светлана уехала из Ленинграда в Америку в 1980 году, а навестила впервые Россию в начале 90-х. Понятно, что уже совсем другую страну. Воспоминания молодости, романтическая встреча со своим учителем, вкус прошлого

и реалии настоящего, — все это в маленьком отрывке из большого романа, который, может быть, когда-то будет целиком переведен на русский язык. Роман «Ниночка» переведен на турецкий известным переводчиком Владимира Набокова Е. Явюзом.

Роман «Ниночка» Светлана написала на английском языке в начале 2000-х. Она подарила мне его в 2007 году с кратким посвящением: «Ностальгически от автора». Эта красиво изданная книга больше десяти лет стояла у меня в шкафу непрочитанной. Пролистанной, просмотренной, но до конца не прочитанной. Почему?

Потому что трудно читать роман, написанный твоей близкой подругой. Сразу ясно, «что откуда происходит», видно, как та или иная мысль, уже нами проговоренная и не раз обсужденная, вдруг появляется в тексте, а прототипы многих героев и обстоятельства их жизни тебе знакомы. Все это мешает восприятию и тому самому пресловутому «остранению», которое должно быть не только у автора, но и у читателя. Короче, нельзя сотворить чудо там, где тебя хорошо знают.

И все-таки о романе. Действие его происходит в Париже в конце 1930-х, во Франции и в России в 90-х годах XX века. В Париже убивают русскую девушку, эмигрантку, через много лет это убийство пытается расследовать другая девушка, филолог, уехавшая из СССР в конце 70-х годов. Следствие приводит героиню в Ленинград, город ее детства. Это повод, конечно, поговорить о прошлом и настоящем России, о молодости, ностальгии и любви. Название романа взято из фильма «Ниночка» с Гретой Гарбо в главной роли. Этот фильм смотрит молодая эмигрантка накануне своей смерти. В СССР фильм мало известен, он был запрещен потому, что там сатирически показаны партийные и советские чиновники.

Потом Света написала по-английски несколько рассказов о себе, о нашем детстве. Они изданы в 2022 году книгой «Originals of Nostalgia».

Когда Светы не стало, я захотела их перевести на русский язык, чтобы еще немного побыть в ее поле, ведь текст — это то, что остается нам от умершего, часть его бессмертной души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru